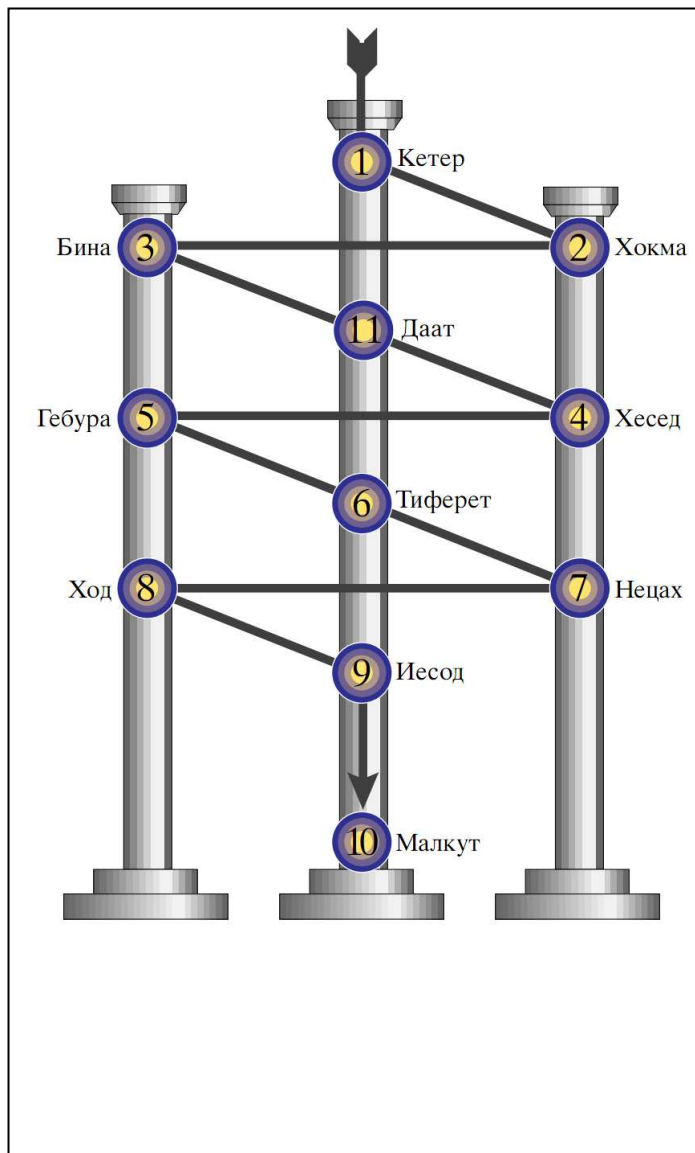

ГЛАВА 31

На Воробьёвых горах

Сефира 2. Наименование: *Хокма, Мудрость.*

Топология: *На вершине Колонны Милосердия.*

План: *Ацилут.*

Планетарное соответствие: ♃ *Уран.*

Зодиакальное соответствие: ♈ *Овен.*

Имя Божье: *Иегова (Тетраграмматон).*

Гностический символяриум: *Всеведение; Принцип Отца и Старшего Брата; Снисходительность; Мягкость превосходства; Ответственность; Высшее видение; Дальnozоркость духа; Взыскательность; Парадоксальность; Проницательность; Мощь.*

Всё отчётливее слышится в гностической атмосфере текста присутствие бога Ра: сефира *Уран* к этому обязывает. В первом же предложении Тридцать первой главы появляется символ *Ковчега Завета* радуга, постоянная аллегорическая спутница архангела *Михаила*, причём только на *конных* его изображениях. Всё воронкообразно стягивается к последним, самым важным, *словам, действиям, жестам*.

Действие прощальной сцены происходит на Воробьёвых горах. Место это выбрано не случайно. Здесь находится вторая важнейшая точка орденовой структуры Москвы, и Булгаков помнит об этом. “На высоте, на холме, между двумя рощами”, где ныне “виднелись три тёмных силуэта” Воланда, Коровьева и Бегемота, за сто лет до описываемых событий начинали строить огромный великолепный храм — первый вариант Храма Христа Спасителя. Автором проекта был выбран прошедший горнило конкурсного отбора Александр Витберг — выдающийся архитектор и великий русский духовный мастер, мистик, мыслитель. Разработанная им грандиозная концепция памятника масонской победы над Наполеоном включала в себя три отдельных святилища в честь Отца, Сына и Св. Духа; вместе с тем они являлись символами человеческого тела, души и духа, образующими трёхэтажную эзотерическую структуру цельного «сына божия». Тонкоматериальная мыслеформа этого так и не возведённого сооружения (доминанция России в духовной культуре над остальным европейским миром была бы необратимой) привлекла к себе демонов-гастролёров.

Девичий монастырь настырной оппозицией лежал напротив. Сделавшийся респектабельным кладбищем атеистической элиты, а некогда бывший местом заточения царевны *Софьи* (с намёком на Премудрость Божию, которая в русской идеографии, в отличие от иудейской, женского рода) Новодевичий своей мертвечиной разъедал горизонт перед взором *вечно живых*. Замещая собой визуально отсутствующий храм, компания поджидала Азazelло со спутниками, и те не замешкались в пути. Вскоре все были в сборе и стали вокруг Мессира рыцарским полукольцом.

“Пришлось вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер, — заговорил Воланд после некоторого молчания, — но вы не будьте на меня в претензии. Не думаю, чтоб вы об этом пожалели. Ну, что же, — обратился он к *одному* мастеру, — попрощайтесь с городом. Нам пора. <...>

Мастер выбросился из седла, покинул сидящих и побежал к обрыву холма. Чёрный плащ тащился за ним по земле. Мастер стал смотреть на город. В первые мгновения к сердцу подкралась щемящая грусть, но очень быстро сменилась сладковатой тревогой, бродячим цыганским волнением.

— Навсегда! Это надо осмыслить, — прошептал мастер и лизнул сухие, растрескавшиеся губы. Он стал прислушиваться и точно отмечать всё, что происходит в его душе. Его волнение перешло, как ему показалось, в чувство глубокой и кровной обиды. Но та была нестойкой, пропала и почему-то сменилась горделивым равнодушием, а оно — предчувствием постоянного покоя”.

Решение Иешуа относительно мастера застало Воланда врасплох. Перед Маргаритой пришлось извиняться за изменение награды, хотя Мессир и намекает, что пересмотр произведён *с повышением*. Он не указывает на подлинный источник нового решения: из деликатности и самоочевидности имя Иешуа не девальвируют забалтыванием. Но рассчитывает на полную зрячесть и понимание, что от Маргариты (бывшей ведьмы — ныне ведуньи) он имеет право ожидать. По этой же причине ей, уже побывавшей в астральных полётах по ту сторону бытия, не предлагается никаких ритуальных прощаний.

Другое дело — мастер. Он новичок в *трансцендентном как реальности* и должен был получить опыт нахождения на пограничье. Оттого-то “привал комедиантов” перед сбрасыванием остатков карнавальных одежд происходит без холерической *спешки*. *Спешившись*, Коровьев и Бегемот устраивают соревнование в иллюстрировании поговорки «Когда рак на горе свистнет»¹. Сначала в качестве рака выступает Кот, а потом экс-регент.

“Группа всадников дожидалась мастера молча. Группа всадников смотрела, как чёрная длинная фигура на краю обрыва жестикулирует, то поднимает голову, как бы стараясь перебросить взгляд через весь город, заглянуть за его края, то вешает голову, как будто изучая истоптанную чахлую траву под ногами.

Прервал молчание соскучившийся Бегемот.

— Разрешите мне, мэтр, — заговорил он, — свистнуть перед скачкой на прощание.

— Ты можешь испугать даму, — ответил Воланд, — и, кроме того, не забудь, что все твои сегодняшние безобразия уже закончились.

— Ах нет, нет, мессир, — отозвалась Маргарита..., — разрешите ему, пусть он свистнет. Меня охватила грусть перед дальней дорогой. Не правда ли, мессир, она вполне естественна, даже тогда, когда человек знает, что в конце этой дороги его ждёт счастье? Пусть посмешит он нас, а то я боюсь, что это кончится слезами, и всё будет испорчено перед дорогой!

Воланд кивнул Бегемоту, тот очень оживился, соскочил с седла наземь, вложил пальцы в рот, надул щёки и свистнул. У Маргариты зазвенело в ушах. Конь её взбросился на дыбы, в роще посыпались сухие сучья с деревьев, взлетела целая стая ворон и воробьёв, столб пыли понесло к реке, и видно было, как в речном трамвае, проходившем мимо пристани, снесло у пассажиров несколько кепок в воду.

Мастер вздрогнул от свиста, но не обернулся, а стал жестикулировать ещё беспокойнее, поднимая руку к небу, как бы грозя городу. Бегемот горделиво огляделся”.

«Рак на горе» — в эзотерическом смысле это одоление главных посвятительных процедур: Стратификации (8 — 15 арканы) и Экзальтации, или Пути в гору (15 — 22 арканы). Рак аркана *Правосудие* начинается в лице *Отшельника* (9-ый ар-

¹ Собственно, поговорка выглядела так: «Дождись Юрьева дня, когда рак свистнет». Потом она расщепилась на «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» и «рака на горе».

кан) это движение. Вершина *горы* символически помечена возвращением к 1-ому аркану *Маг*, это ознаменовано двукратным повтором слова «группа» — неслучайным, как и всё у Булгакова. Что касается самого свиста, то *клешня* рака как бы даёт ему возможность издавать самый мощный вид свиста — в два пальца (или четыре — двумя клешнями), парадоксальный по отношению к тихому и робкому водяному животному. “Гностический каламбур” Бегемота состоит в том, что обывательское употребление слова «свист» как эквивалента понятия «ложь» дискредитировано всей канвой повествования. Особенно важно, когда традиционно “продавшего душу дьяволу” мягко говоря “сильно разочаровывают” в ожиданиях под хохот, смех и свист рогатого обманщика. Издевательская дедукция *великого паж* не упускает возможности проакцентировать наоборотность ситуации.

— Свистнуто, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!

— Я ведь не регент², — с достоинством и надувшись, ответил Бегемот и неожиданно подмигнул Маргарите.

— Дай-кось я попробую по старой памяти, — сказал Коровьев, потёр руки, подул на пальцы.

— Но ты смотри, смотри, — послышался суровый голос Воланда с коня, — без членовредительских штук!

— Мессир, поверьте, — отозвался Коровьев и приложил руку к сердцу, — пошутить, исключительно пошутить... — Тут он вдруг вытянулся вверх, как будто был резиновый, из пальцев правой руки устроил какую-то хитрую фигуру, завился, как винт, и затем, внезапно раскрутившись, свистнул.

Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидела в то время, как её вместе с горячим конём бросило саженой на *десять* в сторону. Рядом с нею с корнем вырвало *дубовое дерево*, и земля покрылась трещинами до самой реки. Огромный пласт берега, вместе с пристанью и рестораном, высадил в реку. Вода в ней вскипела, взметнулась, и на противоположный берег, зелёный и низменный, выплеснуло целый речной трамвай с совершенно невредимыми пассажирами. К ногам храпящего коня Маргариты швырнуло убитую свистом Фагота галку”.

Фагот свистит третьим; первым это делал Азазелло, вызывая мастера из сада у клиники Стравинского и торопя во время прощания с Иваном. То, можно сказать, был “деловой” свист, без показухи и утрирования, так что для постороннего уха он “выглядел” как свист и вой ветра.

Не то сейчас. Кот подбил Коровьева (помните его подмиг Маргарите?) на соревнование, и только запрет на “членовредительство” лимитировал катастрофические последствия Фаготова соловьино-разбойничьего соло. Безусловно, Булгаков был вдохновлён на написание этой сцены знаменитой «арией Мефистофеля со свистом» из одноимённой оперы Бойто, которую гениально, в том числе и в части свиста, исполнял Ф. И. Шаляпин. Ещё дореволюционные записи великого русского певца обошли весь мир, вызывая потрясение широкой слушательской аудито-

² Палиндромное *регент-нег(е)р* объясняет эстрадную феноменальность Коровьева.

рии, считавшей исполнение этой партии высшим достижением артиста. Оперный грим Шаляпина в роли Мефистофеля стал визуальным ориентиром Булгакова при описании одежды Мессира и его свиты. Так что у коровьевского свиста был прототип.

Крайне важным в эзотерическом смысле представляется цифирь (*десять* саженей) и странное, с точки зрения стилистики, выражение “дубовое *дерево*” (вместо просто «дуб»). Здесь вновь проглядывает *кабалистическое* нутро последней трети Романа. После двух треугольников, опрокинутых вершиной вниз (планы Йецира и Бриа), наконец освоено подножие эволютивного треугольника высшего плана Ацилут, а в пандан Второй сефире продемонстрирована последняя на земле *хохма*, странная и непонятная вне такого подтекста. Тем более что действие носит не эпизодический характер, а представлено как целое развёрнутое действие, включая и материализованную отметину — галочку в “книге учёта проделанной работы”.

“Мастера вспугнул этот свист. Он ухватился за голову и побежал обратно к группе дождавшихся его спутников.

— Ну что же, — обратился к нему Воланд с высоты своего коня, — все счета³ оплачены? Прощание совершилось?

— Да, совершилось, — ответил мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду *прямо и смело*.

И тогда над горами прокатился, как трубный глас⁴, страшный голос Воланда: — Пора!! — и резкий свист и *хохот Бегемота*”.

Отключка мастера была столь велика, что только коровьевский свист вывел его из оцепенения. Скальпель ультразвука до конца отрезал новичка от пуповины поюсторонности. На пороге смерти кончается *смертность*, а вместе с нею уходит и страх. Выход за пределы времени осуществлён. Звучит последнее громоподобное «Пора!!» Солнечного Гения Воланда. И сразу — чётко вылепленное слово *Хохма*, завершающее диалогическую часть самой короткой главы Романа.

Вместе с рванувшимися вверх конями масштабно укрупняются пейзаж и атрибутика всадников, размах и быстрота полёта.

Теперь уже окончательно всё земное «отстаёт и остаётся позади».

³ С исправл.

⁴ С исправл.